

knowledges on the real vocal structure – sintagmu, being initial unit of generation and perception of speech.

Key words: combination of words, sintagma, suggestion, sphere of language, sphere of speech, linguistic units, vocal units, generation of speech.

Стаття надійшла до редакції 18. 09. 2012 р.

Прийнято до друку 26. 10. 2012 р.

Рецензент – к. філол. н., доц. Должикова Т. І.

Г. М. Шипицына (Белгород, Россия)

УДК 81'37

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ И ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ
ФАКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ ОБНОВЛЕНИЯ
СЛОВАРНОГО СОСТАВА**

Проблема обновления словарного состава любого языка всегда оказывается актуальной, поскольку она связана с вопросами развития языковой системы, обусловленного требованием высокой мобилизованности языка для выполнения „социального заказа” на производство номинативных единиц в условиях меняющейся действительности, жизни народа и поступательном развитии культуры. основополагающие теоретические и методологические идеи и принципы изучения вопросов, связанных с процессами обновления словарного состава языков, были сформулированы классиками отечественной лингвистики. Не вдаваясь в подробный экскурс в научное наследие замечательной плеяды выдающихся филологов прошлого, назовем трех ученых, труды которых, на наш взгляд, оказали существенное влияние на дальнейшее развитие учения о процессах обновления словарного состава. Это труды академика В. Виноградова, Р. Будагова и А. Потебни. Так, В. Виноградов указал на необходимость изучения изменений в семантике слова лишь на широком фоне истории семантических систем (и ячеек этих систем) данного языка с обязательным учетом истории общественной мысли, материальной и духовной культуры народа. При этом, писал академик, „слова двигаются и меняются вместе со всем языком. Изменения в общей системе отражаются на употреблении и значении отдельных слов” [Виноградов 1995: 7]. Р. Будагов оставил нам образцы системного анализа лексики, реализующие названные выше идеи В. В. Виноградова, и показал безграничность семантического пространства слова живого языка в контексте культуры его носителей, а также общие линии в развитии значений слов на фоне их системных объединений [Будагов 1971, 1977]. Наконец, А. Потебня (в частности, в работе „Мысль и язык”) раскрыл важнейшие мыслительные и языковые механизмы порождения новых значений слов, в том числе в

психолінгвістическому аспекту, поставив і во багатьох вирішив проблеми взаємозв'язку мови і мислення, мови і нації, мови і культури народу.

Полагаємо, що в наступному радянському і пострадянському мовознавстві більш або менш збагачувалися і добре ілюструвалися на свіжому мовному матеріалі ідеї і думки, з тією або іншою ступенем повноти і аргументованості вже висказані цими і іншими ученими класического мовознавства. Важливо і те, що в кожен період розвитку вітчизняної лінгвістики особливо активно досліджувався такий аспект вищезгаданої проблеми, який виявлявся в руслі найбільш актуального, востребованого або навіть модного напрямку лінгвістики (наприклад, порівняльно-історичного, системно-структурного, когнітивного, психолінгвістического, лінгвокультурологічного і т. п.), і це безумовно розширяло і углубляло теорію і методологію вивчення змін у словниковому складі мов.

Дана стаття також присвячена цим питанням. Вона порівнюється з продуктивними ідеями класического мовознавства і ґрунтується на теоретичних побудовах сучасного періоду розвитку лінгвістики. При цьому її автор далеко від думки, що йому вдалося втілити в неї всю суму знань і цінних методологічних висновків, накопчених лінгвістикою по питанням оновлення словникового складу. Тем не менше вважаємо, що наші спостереження над структурою, семантикою і функціонуванням в реальній мовній ситуації нових значень слів (семем) російської мови дозволяють сформулювати деякі закономірності, стосуються формування і організації їх смислових структур (ці процеси показані на матеріалі вторинних значень похідних (отсу́бстантивних) імен прикметельних).

Механізм формування значень імен прикметельних, як і інших слів, визначається одночасним впливом всіх системних зв'язків слова в лексико-семантичному просторі мови, прагматическої і пропозиційної заданості семемопородження, а також способом мовної категоризації концептуального змісту об'єктивіруємої дійсності. Виразу єдиного комунікативно умовленого завдання семантичної мовної одиниці підпорядковані наповнення семної структури і взаємодія мовних внутрісистемних зв'язків семем.

При утворенні нового значення слова мотиваційні потоки йдуть одночасно з різних джерел, тому не можна „розглядати мотивацію як незмінно лінійну семантичну детермінацію однієї лексическої одиниці іншою лексическою одиницею в межах, очеркених якимсь-либ одним і тільки одним правилом...” [Гінзбург 1979: 154]. Слово народжується тільки в семантичному мотиваційному полі лексическої системи в цілому. Мотиваційні потоки йдуть від слова як одиниць лексико-семантичного рівня і від слова як

единицы словообразовательного уровня (в последнем случае важно, какое место мотивирующее слово занимает в системе связей внутри словообразовательного гнезда), потому в мотивацию даже одной семемы производного имени прилагательного оказываются втянутыми как семы производящего слова, так и семы мотивирующего значения этого же прилагательного, потому „разумно говорить о том, что лексическая единица определена в пространстве мотиваций” [Гинзбург 1979: 154].

Например, семема *анонимный-1* – „неизвестный по имени, не подписавший своего имени” – мотивируется основной семемой имени существительного *аноним-1* – „автор сочинения, письма, скрывший свое имя” (*Анонимный автор*). Мотиваторами же семемы *анонимный-2* – „не имеющий указания на автора, без имени автора” – стали одновременно две семемы: *аноним-2* („сочинение, письмо без обозначения имени автора”) и *анонимный-1* (*Анонимное письмо*). В смысловой структуре семемы *анонимный-2* объединяются семы как существительного *аноним-2* („отсутствие имени автора”), так и семы прилагательного *анонимный-1*, в значении которого названа „причина не указанного имени” (*В нем вечно кипела завистливая, истерическая злоба, заставлявшая его писать на своих товарищей нелепые анонимные доносы* (Куприн. На покое).

Прилагательное *резервный* формирует значение семемы-2 – „находящийся в резерве” под влиянием трех семем-мотиваторов: *резерв-3* – „часть войск, оставленная в распоряжении командира с целью введения в бой в случае необходимости”, *резерв-4* – „состав военнообязанных..., призываемых в армию в случае необходимости” и *резервный-1* – „находящийся в запасе, употребляемый, применяемый в случае необходимости” (*Резервный запас продуктов*).

Таким образом, относительные имена прилагательные из разных мотивационных источников „собирают” семы в свою смысловую структуру и потому имеют довольно сложный репертуар своих реальных и потенциальных сем, который приспособляется к выполнению коммуникативного задания в каждом новом сочетании с именами существительными.

Мотивационные отношения внутри лексемы являются признаком, организующим ее структуру и обеспечивающим ее внутреннее единство как в синхронном, так и в диахронном аспектах. В синхронном плане – это наличие общих архисем и денотативных сем – обязательного инвариантного смысла у семем одной лексемы, отражающего общие признаки и свойства объективного мира. Благодаря существованию такого общего смысла совокупность семем одной лексемы становится упорядоченным и взаимоучтенным множеством.

В диахронном плане внутрилексемные мотивационные отношения обеспечивают наличие ментально-мыслительного инвариантного содержания, своего рода ядерной концептуальной семантики, общей для лексико-семантических группировок лексики. Такая инвариантная

семантика определяет системообусловленное место каждой из семем в лексико-семантической парадигматике языка, от которого во многом зависит назначение и функциональное поведение семем одного и того же слова при его употреблении в речи.

При образовании самых разных производных отсубстантивных имен прилагательных, независимо от того, образовались они от нарицательных имен существительных или от собственных имен, имеют место такие особенности: все производные имена прилагательные подвергаются воздействию „силы отторжения” новообразованной семантики слова от той семантической „наследственности”, которая играла решающую роль в момент семемообразования; во всех случаях наблюдается лексикализация деривационного значения, причем, даже и в тех случаях, когда при межсловной деривации в качестве производящего слова выступает собственное имя существительное. Например, в словосочетаниях типа *жостовские подносы, оренбургские платки, тульские пряники, палехские шкатулки* и т. п. лексикализация деривационного значения происходит благодаря укрупнению сем сигнификативного характера, преобразующему тип лексического значения слова-прилагательного, благодаря которому компоненты словосочетания объединяются в целостную номинативную единицу терминологического характера, обладающую тем не менее и оценочной значимостью.

Факт образования новых семантических единиц еще не обеспечивает жизнеспособность этим новообразованиям, поскольку она зависит от целого ряда внеязыковых и языковых условий их функционирования. Внеязыковые условия употребления слова весьма изменчивы, они определяются свойствами общественного вкуса и общественными потребностями в номинации, которые в свою очередь обусловлены социально-историческими и этнокультурными факторами жизнеустройства и мировидения носителей языка.

Итак, новая номинативная единица появляется на базе того или иного мотивационного процесса, однако ее лексический и особенно лексикографический статус во многом будет зависеть от того, как она войдет в систему языка. Прежде всего, как она войдет в межсемемную парадигму той лексемы, в составе которой определено ее место на основании звуковой формы, и как она войдет в лексико-семантическую группировку слов (семем), поскольку слово в любом из своих значений является членом некоторого лексического множества – семантического поля той или иной разновидности (лексико-семантической группы, тематической группы, гипонимического множества, функционально-семантические поля, лексико-грамматического класса и т. п.).

Кроме „обустройства” новой семантической единицы в парадигматических узлах лексической системы, очень важно и то, какие параметры валентности новообразование может приобрести на базе тех семантических истоков, благодаря которым и появилось это

новообразование. Эти истоки во многом предопределили какой-то дистрибутивный круг, но, благодаря конденсации этих семантических истоков, отражающих в семантике слова как современные черты, так и семантические отложения прошлых эпох, благодаря доработке и обогащению семантики новообразования в момент номинативного акта новообразование вырабатывает свой самостоятельный круг реальных и потенциальных сочетаемостей.

Контекстный смысл имени прилагательного во многом зависит от того, какая именно денотативная сема в семантике опорного имени существительного нуждается в характеристике (уточнении, распространении) ее значения или какие коннотативные пресуппозиции актуализированы как в семантике прилагательного, так и в семантике существительного.

Например, адъектив *карманный* – „предназначенный для ношения в кармане” (МАС) используется носителями языка для характеристики круга референтов, который отвечает требованиям, предъявляемым к предметам, носимым обычно в кармане: небольшой размер, необходимость быстрого обнаружения для пользователя этим предметом, отсутствие у карманного предмета большой ценности (поскольку его легко потерять), полная зависимость этого предмета от своего владельца, у которого абсолютное право распоряжаться этим предметом (*карманные деньги, карманный ножичек* и т. п.). Новое значение у прилагательного *карманный* – „послушно выполняющий чужую волю, зависимый в материальном, политическом и т. п. отношении” (*карманная прокуратура, милиция, мэрия, госдума, ассоциация*) – стало возможным потому, что новый круг референтов отвечает уже одному параметру, заложенному в исходной семантике прилагательного, а именно – в семеме „зависимость от субъекта”. При этом круг определяемых референтов формируется из слов, номинирующих в чем-то близкие по денотативному значению понятия.

В семном составе прилагательного *карманный* в приведенных выше словосочетаниях актуализировались семы культурной коннотации. Поскольку содержанием культурной коннотации „является результат интерпретации в соответствии с культурно-языковой компетенцией носителей языка тех или иных составляющих знаков языка со знаками «языка» культуры” [Телия 1999: 17], возможно неоднозначное понимание разными носителями языка как культурной коннотации, так и самого значения новообразования. Есть основания говорить о развивающейся в языковом мышлении народа современной России такого феномена, как корпоративная оценка. Например, у большинства людей понятия *карманная милиция* и *карманная прокуратура* вызывают осуждение, ощущение неблагополучия в обществе, чувство несправедливости, однако возможно, что у некоторых других людей оценка этого явления может быть и противоположной. Денотативный семный состав новых семем с культурной коннотацией также

носителями языка может пониматься по-разному. В частности, семантику прилагательного в словосочетаниях *карманная милиция* и *карманная прокуратура*, как показал лингвистический эксперимент, проведенный нами в студенческой аудитории, часть информантов истолковывает иначе: *карманная* означает „кладет в карман подношения, берет взятки”.

Изменение круга референтов на языковом уровне проявляется в расширении сочетаемости имени прилагательного, что порождает динамику денотативных сем в компонентном составе семемы, перестройку этого состава и, как следствие, – развитие новых смыслов. Вторичные семемы, несмотря на формальную тождественность исходной семеме, в подавляющем большинстве семантически сложнее и богаче, чем семема-мотиватор, так как наряду с денотативными семами к ним в процессе семантической деривации добавляются ассоциативные, прагматические, оценочные и эмотивно-экспрессивные семы, находившиеся в семеме-мотиваторе на периферии ее смысловой структуры.

Обособление отдельных семем в принципе довольно характерно для многозначных имен прилагательных, поскольку развитие их смысловых структур часто происходит не только и не столько на базе реальных, сколько на базе потенциальных сем, актуализированных ассоциативным сближением разных предметов по какому-либо признаку, который мог быть у предмета даже в непродолжительное время, но сохранился в культурной памяти народа. Например, у слова *темный* семема № 7 со значением „невежественный, отсталый, некультурный” и семема № 8 *темная* – „помещение для арестованных, карцер” – образовались таким образом. Диахронически этот факт можно объяснить ситуацией разорванных цепочек внутрисловной мотивации не только в связи с возможной утратой промежуточных звеньев мотивировки, но и в связи с принципиально иным способом приобретения новой семемы. Например, у слова *желтый* семема-2 – „соглашательский, реформаторский, продажный, предательский” (*желтая пресса, газета*) – не имеет мотивационных отношений с другими, цветовыми, семемами этого слова, что объясняется происхождением этого значения (буквальный перевод английского выражения). Такие обособившиеся семемы оказываются „кандидатами” в объединения семем-омонимов внутри смысловой структуры лексемы (явление энантиосемии).

При формировании „внутренней формы” слова как основы мотивировочного признака для образования новой семемы велика роль психологических представлений о предмете номинации у носителей языка (о чем и писал А. Потебня). Образование значений на базе представлений – это особый способ выражения значений путем их картинно-образной репрезентации, в большой мере определяющейся историко-культурными особенностями менталитета у носителей языка. Например, *отпущенные цены, теневая экономика, деревянная валюта,*

прозрачная деятельность банков, жесткая зачистка населенного пункта, мыльная опера, популистские решения, потребительская корзина. „Внутренние формы” всегда „обусловлены свойственным языку той или иной эпохи, стилю той или иной среды способом воззрения на действительность и характером отношений между элементами семантической системы” [Виноградов 1972: 20]. Семемообразование имен прилагательных обусловлено психологическими ассоциациями носителей языка, нейтрализующихся в какой-то мере действием семантических закономерностей языковой системы.

Например, в словосочетании *оранжевая революция* новая семема у прилагательного сформировала свою семантику не только на базе единственного значения этого слова – „имеющий окраску... цвета среднего между красным и желтым; цвета апельсина” (МАС) (такого цвета была символика, в частности, во время украинской оранжевой революции), но и на основе противопоставленности денотативных и коннотативных смыслов внутри лексической парадигмы обозначений социально-политических понятий по цвету их символика (*красная революция, красные и белые солдаты, партия зеленых, красно-коричневая чума, войска „голубые береты”* и т. п.).

По объему семантического наследия, полученного от мотиватора, в семантической структуре мотивируемой семемы возможны разновидности:

- семный состав мотивирующей семемы может войти целиком в семантику мотивируемого компонента;
- семный состав мотивирующей семемы может лишь частично войти в семный состав мотивируемой семемы.

Однако во всех случаях межсемемная мотивация (как межсловная, так и внутрисловная) сопровождается изменениями в семном составе мотивируемой семемы: в ней может добавиться ряд сем, может произойти перегруппировка сем разного типа относительно центра и периферии смысловой структуры, могут актуализироваться бывшие скрытые семы мотиватора (наличие таких скрытых сем объясняется особенностями лексической сочетаемости мотивирующего слова). Скрытые семы могут быть порождены и предшествующими мотивационными, в том числе словообразовательными ступенями семемопроизводства, уходящими своими корнями в глубь истории слова. В этом плане мотивированность производного слова можно понимать и „как способность отсылочной части производного отсылать к соответствующему слову (и, конечно, обозначенному им понятию), но – одновременно – и как способность отсылать к „естественному” окружению такого слова, т. е. вызывать в нас ассоциации, связанные с употреблением слова в привычном для него окружении, сигнализировать о связи реалий и понятий” [Кубрякова 1981: 172].

Семный состав, внутрисловные и межсловные связи семемы, какими бы разноплановыми и разнородными они ни казались на уровне

поверхностных структур, наблюдаемых эмпирически, оказываются внутренне упорядоченными и подчиненными языковому выражению определенного концепта, объективированного не только и не столько в одной семеме, сколько в лексико-семантической группе (ЛСГ) семем в целом, объективизирующей и вербализующей ту или иную концептуализированную область знания.

Литература

Будагов 1971 – Будагов Р. А. История слов в истории общества / Р. А. Будагов. – М.: Просвещение, 1971. – 270 с.; **Будагов 1977** – Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? / Р. А. Будагов. – М.: Наука, 1977. – 264 с.; **Виноградов 1995** – Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // *Вопр. языкознания*. – 1995. – № 1. – С. 5 – 37; **Виноградов 1972** – Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.; **Гинзбург 1979** – Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис / Е. Л. Гинзбург. – М.: Наука, 1979. – 264 с.; **Кубрякова 1981** – Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.; **Телия 1999** – Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка / В. Н. Телия // *Фразеология в контексте культуры*. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – С. 13 – 24.

Шипицина Г. М. Взаємодія мовних і загальнокультурних чинників у процесі оновлення словникового складу

У статті відображено спостереження над структурою, семантикою й функціонуванням у реальних мовленнєвих ситуаціях нових значень слів (семем) російської мови, що дозволяє сформулювати деякі закономірності щодо формування й організації їхніх смислових структур. Зокрема, розглянуто мовні механізми формування вторинних значень похідних (відіменникових) прикметників на тлі їхніх системних зв'язків у лексико-семантичному просторі мови з урахуванням мотиваційних потоків, валентної зумовленості значень і динаміки семного складу.

Ключові слова: семантика, лексико-семантична система, похідний прикметник, вторинні значення, мотивація, концепти, валентність, семема, сема.

Шипицына Г. М. Взаимодействие языковых и общекультурных факторов в процессе обновления словарного состава

В статье отражены наблюдения над структурой, семантикой и функционированием в реальных речевых ситуациях новых значений слов (семем) русского языка, что позволяет сформулировать некоторые закономерности, касающиеся формирования и организации их

смысловых структур. В частности, рассматриваются языковые механизмы формирования вторичных значений производных (отсубстантивных) имен прилагательных на фоне их системных связей в лексико-семантическом пространстве языка с учетом мотивационных потоков, валентной обусловленности значений и динамики семного состава.

Ключевые слова: семантика, лексико-семантическая система, производное имя прилагательное, вторичные значения, мотивация, концепты, валентность, семема, сема.

Shipitsyna G. M. The interaction of linguistic and general cultural factors in the process of vocabulary updating

The article highlights the questions of structure, semantics and functioning of new meanings of words (sememes) of the Russian language in real life situations. The investigations allow us to formulate certain regularities connected with the formation and organization of meaningful structures of sememes. As such we have examined language mechanisms of secondary meaning formation of derivative (semisubstantive) adjectives in connection to their systemic relations within lexico-semantic system of language taking into account their motivation lines, valence dependence of meanings, and dynamics of semes' structure.

Key words: semantics, lexico-semantic system, derivative adjective, secondary meanings, motivation, concepts, valency, sememe, seme.

Стаття надійшла до редакції 16. 08. 2012 р.

Прийнято до друку 26. 10. 2012 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Глуховцева К. Д.